Текст · 1 февраля 2023, 12:49
Дмитрий Швец,

«Обнулят меня и все». Рассказ заключенного, который вступил в «ЧВК Вагнера», но сбежал из Украины, чтобы вернуться обратно в колонию

Заключенный: вербовка, самолет, надежда на помилование

Даже и не знаю, что теперь. Просидел я несколько месяцев, в конце октября или начале ноября у нас в колонии, на строгом режиме, отключили все телефоны — это было за день до приезда [основателя и владельца «ЧВК Вагнера»] Евгения Пригожина, даже сотрудники были без регистраторов. Мы спрашивали, почему так, они говорили, что ничего не знают. Следующим утром подъем был на час раньше, в пять, и всех построили: в локальном секторе подходили начальники отрядов, по спискам называли фамилии и всех уводили на промзону.

И пришел Пригожин, я тогда еще даже не знал его, потом уже в интернете увидел. Он объяснил, кого берут, кого не берут, что можно поехать [на войну в Украину], прослужить полгода и получить помилование.

Все так быстро произошло, красочно рассказали. Все, кто согласен — направо, кто не согласен — налево. Подходите, записывайтесь. В течение дня стояла очередь в дежурной части, было два кабинета,

там сидели два человека, два представителя, и к ним заходили. Я зашел в кабинет, просто спросили: «ВИЧ-туберкулез есть? Нет? Ну все нормально, поехали».

По статьям говорили за статью «Изнасилования», что относятся как бы с осторожностью к педофилам и тем, кто сидит за наркотики, их через полиграф должны были проверять. Ну среди нас таких не было ни одного.

Мне пару лет оставалось сидеть, но я, конечно, поверил в помилование — как-то все спонтанно и быстро получилось. Просто мы там сидим и толком не знаем, что в мире происходит — только новости по «Первому каналу» можно посмотреть. Мобильники запрещены, только таксофоны, чтобы звонить родственникам. Сказали, можно написать одно письмо родственникам, я написал. Раньше все письма приходили домой, а это не дошло.

На следующий день начальники отрядов давали список, кто прошел, давали подписать бумагу на помилование и еще бумагу о неразглашении местонахождения, якобы что я хочу отбывать наказание в другой колонии, и не сообщать, в какой. Еще надо было написать, куда отправлять ценные вещи: деньги, телефон, я попросил, чтобы его отправили домой, цепочку — они до дома не дошли. В нашей колонии больше двухсот человек записалось, но потом несколько отказались. И начали по 30-50 человек увозить, мы уехали 7 или 8 ноября: довезли на автозаках до аэропорта, и там — на военно-транспортный самолет, там просто лавки

были, и нас человек 400 с заключенными из других колоний.

Говорили, что полетим в Ростов[1], там будет учебный лагерь, и мы там будем месяц заниматься, а потом уже отправимся ближе к линии соприкосновения. Прилетели куда-то, было темно, нас всех загрузили по автобусам. Отъехали маленько, и рядом стоит ангар, мы все вещи сняли, и там получили форму и рюкзак, уже все ихнее было, из нашего остались только трусы.

Подписывали бумагу, кому сообщать в случае гибели, и что я согласен принимать участие в военной операции, выполнять задачи министерства обороны, несмотря на то, что могу погибнуть. Потом опять автобус, я уснул, и мы приехали в лагерь, какой-то старый детский был, разбитый.

Наемник: полигон, стрельбы и казни провинившихся

Там мы уже узнали, что это Луганская область. Переночевали, утром всех построили, повели в столовую завтракать, давали бумаги касаемо денег, кому отдавать или сам заберешь, и еще были вопросы за родственников в Украине и так далее. Дальше выдавали жетоны, фотографировали. После сказали, что мы поедем на какой-то полигон.

На «Уралах» довезли, и там полевой лагерь, и мы начали там обустраиваться, строить блиндажи, в которых ночевали. Часть сразу пошла на полигон, там нам выдали оружие, мне дали «калаш» черный 1975 года без патронов, штык-ножи, подсумки. Там

уже были инструктора, они говорили: две недели тут побудете, потом поедете на вторую линию, потом — на первую.

А там приезжали пацаны из Челябинска, они говорили, что их сразу воевать отправили, через неделю. И мы, конечно, уже начали понимать что-то. Инструктора говорили, что зона безопасная, и тут же сами побаивались, что в любой момент может чего-то прилететь, говорили, что в темноте курить не надо и фонариком светить. Рассказывали, что одного пацана ранило, когда он гранату кидал, она у него в руке взорвалась и оторвала кисть. И вот военные врачи сказали, что не будут разбираться, почему так получилось. Другого ранило, он полежал буквально несколько дней в госпитале, зашили и отправили обратно на передовую.

Про детский лагерь рассказывали, что там расстреляли двух ребят: они стояли на блокпосту и чего-то украли — и их обнулили сразу же. Инструктор говорил, что один встал на колени и просил прощения, но достойно умер, сказал: «Не повторяйте моих ошибок». Там сами по своим стреляют, задней нет вообще.

Внесудебные казни

В среде наемников «обнулением» называют внесудебные казни. Термин, вероятно, отсылает к «обнулению» президентских сроков Владимира Путина, предусмотренного принятыми летом 2021 года поправками в Конституцию (благодаря им

Путин снова может избираться на два срока подряд — в 2024 и 2030 годах).

Заключенные, с которыми общалась «Медиазона», вспоминали, что владелец «ЧВК Вагнера» Евгений Пригожин во всех колониях произносит одну и ту же речь, в которой предупреждает о казнях за дезертирство и мародерство. Бежавший в Норвегию наемник Андрей Медведев рассказывал-, что после начала вербовки заключенных в практику вошли казни отказников и дезертиров. «Я был свидетелем нескольких таких моментов, расстрелов осужденных, их выводили специально перед другими заключенными и публично казнили в целях запугивания», — говорил он.

Угрозы и расстрелы подтверждались не только рассказами очевидцев: в ноябре связанный с наемниками канал опубликовал видео, на котором бывшего бойца «ЧВК Вагнера» Евгения Нужина убивают ударом кувалдой по голове. Нужин, попав в украинский плен, давал интервью, а затем загадочным образом куда-то исчез, появившись только на видео перед гибелью.

Кувалду как орудие казней вагнеровцы применяли и раньше, например, в Сирии: еще в 2019 году «Новая газета» публиковала расследование о об убийстве местного жителя, которого наемники изуродовали кувалдой, отпилили голову, а труп сожгли под музыку.

Недели полторы мы учились стрелять. Выдают три рожка по десять патронов, отстрелял — показал, что пусто, и дальше идешь. Но там ничего сложного нет, стрелять любой дурак может. А командиров делали из таких же осужденных, которые ни разу в жизни не участвовали ни в каких боевых действиях. Как с

ними в бой? С одним пошли, заблудились в трехстах метрах в лесу, даже не дошли до полевого лагеря. Это вообще жопа, скажу грубо, просто жопа. Мы-то думали, что будем на равных с вольнонаемными, ничем не будем отличаться, а на деле просто из зэков делают штурмовые группы, это самое мясо. Но там уже нет задней, откажешься чего-то выполнять и сразу же тебя обнулят.

Вольнонаемные по-другому держались, ну так они воюют, кто в Сирии бывал, а мы в первый раз автоматы в руки взяли. Все яснее и яснее было, что выживает один человек из десяти. Это Пригожину я поверил, да и кормили нормально, выдавали сухпайки, чай, сигареты, печенье — все это было. Он серьезный дядька, имеет авторитет, если может человека из колонии забрать, ему поверили все. Он все так быстро рассказал и ушел, я его один раз видел.

Иллюстрация: Борис Хмельный / Медиазона

Беглец: обстрел, попутки, возвращение домой

Через полторы недели на занятиях одного парнишку ранило в руку, инструктор стрелял рядом с ним и что-то неправильно делал, и попал ему в руку. Тут же, буквально минут через 15 взорвалась граната, и инструктора осколком зацепило. Приехали на «Урале» пацаны с нашего лагеря и увезли в Луганск, мы знали, что Луганск рядом и станица Луганская.

Ближе к вечеру инструктор-дагестанец приходил к нам и говорил, держите ухо востро, слышно по рации, что по-английски разговаривают, будьте на фоксе[2].

По рации было слышно, что [украинцы] называют название нашего лагеря. Инструктор слышит что-то про «Мухоморы», отходит проверить, и буквально минуты не проходит — начинается перестрелка уже прямо вот рядом с нами. А у нас ни патронов, ничего нет — их же только во время стрельб давали, мы даже отпор не можем дать. Там была наша рота, человек сто, и, по-моему, еще одна, всего двести.

Начался переполох, все побежали кто куда. Я побежал с тувинцем, мимо ехали «камазы» — не знаю, наши или нет, мы прятались. Вышли к какой-то деревне, спросили у деда, как нам, куда идти? И пошли на Луганск, там по пути стояли двое на блокпосту. Мы спросили, где «Вагнер» стоит, и просто пошли дальше, как ни в чем ни бывало. К утру дошли. Там земляки тувинца помогли, дали денег. Он остался, а я купил гражданскую одежду и выкинул форму.

Вернуться туда не думал, в полевом лагере было слышно, что стреляли, а там были пацаны без патронов, которые стройкой занимаются. По ходу всех перекосили просто, и все.

В Луганске был такой случай: шли двое военных, остановили меня. «Где документы?» — «Нету». — «А где живешь?» — «Да вот в станице тут», говорю. Сказали, надо пройти с нами, они кому-то позвонили, подъехал «пазик», там еще человек семь-восемь было. Дали заполнять бумаги, там написано: «Прошу вас принять меня добровольцем». Я зашел в медкабинет,

там сидит врачиха, говорю ей: «Не могу, у меня ВИЧ». — «А где справка?» — Нет справки, ВИЧ, туберкулез, я еще худой сам по себе, наговорил — она такая: «Ладно». Назвал данные одноклассника, и меня просто отпустили.

Нашел таксиста, объяснил, надо попасть в Россию, через границу. Он говорит, я не могу, но есть человек, который этим занимается, но надо тысячу долларов. У меня не было таких денег, я доехал просто до границы. Там забор, колючая проволока, я под ним пролез — и все. Вышел, а там Донецк[3].

И я оттуда на автобусе доехал до Москвы за две тысячи рублей, границ нет же. В Москве позвонил в хостел, спросил, пустят переночевать без документов? Сказал, что приехал работать на стройку, паспорт потерял — дали переночевать. Там в метро карточки надо покупать, а я не знал, прохожу через этот треугольник за женщиной, и меня схватили: «Че, бесплатно хочешь?». Там две женщины стояли, я говорю, что не знал. Говорят, давай документы, надо штраф, я отвечаю — ну, давайте я вам заплачу. И они запаниковали, там камеры стоят ведь. Показали, где купить карточку, я и доехал до хостела.

А потом через приложение *Bla-bla-car* нашел попутчиков до Набережных Челнов, и дальше с дальнобойщиками за неделю доехал до дома. По пути в Сибири к другу заехал, он удивился: тебя же посадили? Повезло, говорю, амнистировали — так прикололся, пару дней у него перекантовался, привел себя в порядок и поехал дальше.

Всю Россию так проехал, а раньше даже из своей области не выезжал. Ехал с мужиками, они день едут, ночью стоят, ночью я где-то в кафе или хостеле. Как-то раз уже ночью шел по дороге, никто не останавливается. На заправке подошел мужик, говорит, ночью никто не остановится, и довез меня до стоянки, я там переночевал и с утра уже поехал.

Жене сказал, что дали отпуск на войне, подробности зачем ей говорить, чтобы она переживала? В Луганске все понятно, уже не хочу.

Дома: возвращаться в колонию или скрываться?

Сначала думал, что вернусь в колонию. Лучше посижу, а с «Вагнером» нет смысла связываться — они обнулят меня и все. Они тысячами везут с лагерей, рассказывают, как все хорошо, как вы вернетесь домой, а 90 процентов погибает. Я смотрел в *Youtube-*, сколько человек вернулись, завершили контракт — что-то их мало очень, уезжало-то гораздо больше.

У меня товарищ в городе есть, у него оперативники спрашивали, видел он меня или нет? Он такой, да нет, он же сидит, а они — да нет, освободили его. И тут как-то недавно шел, встретил знакомого из ППС[4], он спросил, как дела, и все.

Если бы я был в розыске, думаю, задержали бы меня? Может, просто забыли? Если они помилование оформляют[5] перед тем, как отправить, значит все, помилован? Это же первый раз такое в практике. Была

надежда, что выживу и уеду домой, но с каждым днем было все яснее, что выжить там без шансов.

Недавно оперативники знакомые сказали, что по базе я не судимый даже, ни одной судимости — поэтому какой смысл в колонию возвращаться? Я уже был свободный человек, я помилован. Но из-за «Вагнера» придется скрываться, менять телефон. Я же немного умею: и оттуда [из зоны боевых действий] уехал, и от полиции бегал.

Друзья обо всем этом не знают, жене скажу, что отпуск кончился. Думаю, все хорошо будет.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Имеется в виду Ростов-на-Дону, граничащий с Донецкой областью Украины, там расположены военные полигоны Минобороны и тренировочные базы «ЧВК Вагнера».
2. Будьте на чеку, проявляйте бдительность.
3. Имеется в виду небольшой город Донецк в России, он расположен возле границы Ростовской области и Донецкой области Украины.
4. Патрульно-постовой службы полиции.
5. До сих пор нет достоверной информации о том, как документально устроено освобождение заключенных, согласившихся вступить в «ЧВК Вагнера». По одной из неподтвержденных версий, перед отправкой в Украину все они попадают под помилование, оформленное секретным указом Владимира Путина.